

ВСТРЕЧИ С СЕН-ЛУ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 82.94
ББК 84(4)
Л82

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с французского — А. М. Иванов.

Л82 Встречи с Сен-Лу. — М.: Тотенбург, 2022. — 236 с.

Сен-Лу — псевдоним французского писателя Марка Ожье (19 марта 1908 г., Буйон, Бельгия — 16 декабря 1990 г., Париж). Писатель и альпинист, неоязычник и панъевропеист.

В годы Второй мировой войны сражался в рядах добровольческой дивизии «Карл Великий». В 1948 г. властями Франции заочно приговорен к смертной казни. В 1950 году сумел тайно прибыть в Аргентину, где был советником Хуана Перона. В 1953 году амнистирован и вернулся во Францию. До самой смерти публиковался в европейских патриотических изданиях.

Двадцать свидетельств, из которых составлен данный сборник друзьями Сен-Лу, отражают чувства трех разных поколений и собраны для того, чтобы рассказать о том, что представляли собой пример и творчество этого нетипичного и мятельного автора. Каждая из статей, включенных в этот сборник, посвящена одному из аспектов жизни или творчества Сен-Лу. Некоторые высказывания могут шокировать, но мы их сохранили, потому что речь не идет о том, чтобы дать здесь асептизированный или нормализованный образ того, кто сам мыслил и жил как «еретик» перед лицом оболванивающих идеологий, которые торжествуют сегодня.

УДК 82.94
ББК 82.3(0)

© А. М. Иванов,
перевод с французского

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Филипп Конрад

1. ОТ МАРКА ОЖЬЕ К СЕН-ЛУ,
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕРЕТИКА..... 9

Жан Мабир

2. ДРУЗЬЯ ПРЕКРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ..... 27

Эрик Лефевр

3. ОТ ПАЦИФИЗМА К ВОЙНЕ..... 39

Анри Фене

4. ВОЙНА НА ВОСТОКЕ..... 53

Эрик Симон-Марьен

5. МОНАСТЫРЬ ЛЮДЕЙ В ЧЕРНОМ..... 71

Жан-Поль Леперлье

6. КЕНТАВР ВЕКА АВТОМОБИЛЕЙ..... 81

Кристина Модюи

7. К БЕСКОНЕЧНОСТИ ВЕРШИН..... 91

Брюно Ракушо

8. ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ... 99

Сен-Лу

9. АРГЕНТИНСКОЕ ИЗГНАНИЕ..... 119

Жан-Жак Мурро

10. ДЕЛО НАРОДОВ 127

Гульвен Пеннод

11. ПЛОТСКИЕ РОДИНЫ..... 137

<i>Жан-Клод Валла</i>	
12. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ БУРГУНДЦЕВ.....	145
<i>Бернан Люган</i>	
13. БЕЛОЕ ПЛЕМЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ.....	157
<i>Савитри Деви</i>	
14. ПО ПОВОДУ «НОСТАЛЬГИРУЮЩИХ»	163
<i>Филипп Ранда</i>	
15. ЧЕМ Я ОБЯЗАН СЕН-ЛУ	177
<i>Майрон Кок</i>	
16. ГРААЛЬ СЕН-ЛУ	185
<i>Оливье Ракушо</i>	
17. НА МОТОЦИКЛАХ ДО ВОРОТ ЕВРОПЫ.....	193
<i>Мишель Мармен</i>	
18. БОЕЦ И АВАНТЮРИСТ	205
<i>Робер Ден</i>	
19. РАЗМЫШЛЕНИЯ	
ОБ УПОРНОЙ НАДЕЖДЕ	209
<i>Пьер Виаль</i>	
20. ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОГО ПОЛДНЯ	219
СОЧИНЕНИЯ СЕН-ЛУ	231

Посвящается европейской молодежи

1. ОТ МАРКА ОЖЬЕ К СЕН-ЛУ, ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕРЕТИКА

Для солдат «шестидесятого года призыва»¹, которые были инстинктивно вовлечены в проигранную войну за французский Алжир, творчество и пример Сен-Лу открыли новые горизонты, которые позволили этому поколению воинов пережить мутации, необходимые для того, чтобы понять настоящее и ход грядущих битв. В тот момент, когда Жан Мабир открыл для нас в лице Дриё² «молодого европейца», совершенно неожиданного, Сен-Лу объяснил нам через своего героя Ле Фоконье истинный смысл Второй мировой войны, последнего этапа великого европейского самоубийства, начатого в 1914 году.

Ставший жертвой массовых преследований, свирепо осуждаемый сталинистами всех мастей, игнорируемый «умеренными» и брошенный респектабельными правыми, этот автор-еретик, чье имя напоминает дуновение ветра и шелест лесов, не мог не соблазнять молодых мятежников, у которых вызвала отвращение Франция 60-х годов, наркотизированная претенциозной идеологией, анестезированная речами старца³ и отупевшая под влиянием конформизма и мод.

Историк и романист, Сен-Лу быстро обрел в наших глазах иное измерение, он стал учителем жизни, все существование которого проходило под

¹ Намек на «Письмо призывнику 60-го года», которое написал в тюрьме Р. Бразильяк, поэт, расстрелянный деголлевцами 6 февраля 1945 года.

² П. Дриё Ла Рошель (1893–1945) — писатель, идеолог французского фашизма и Французской народной партии Ж. Дорио. Покончил с собой 15 марта 1945 года.

³ Под «старцем» имеется в виду де Голль.

знаком великого здоровья, приключений и верности. Чтения романов «Северный склон» и «Друзья прекрасной звезды» — спасибо еще раз, товарищ Мабир, за «Библиотеку активиста», опубликованную в одном из номеров «Эспри пюблик», — было достаточно, наряду с политической ориентацией, для того чтобы защитить нас ото всех опасностей «нормализации». Вместе с несколькими другими людьми старшего поколения его рассказы быстро обрели для нас ценность примера. В эпоху, ставшую омерзительной из-за ее дряблости и торжествующей лжи, он дал ей ответ своей собственной жизнью.

Пацифист и пылкий защитник европейской идеи в тот момент, когда терпели крах иллюзии, порожденные Лигой наций, европейский боец, с недоверием относившийся к искушениям пангерманизма, отверженный и осужденный за то, что остался верным своим идеалам, писатель, проклятый за то, что осмелился сказать правду о своей эпохе, пророк возврата к общности крови и одновременно глашатай великих промышленных авантур технической эры, Марк Ожье казался нам чудесным синтезом вопросов, страстей и борьбы второй трети нашего века. Всегда находившийся впереди, в идейной сфере и на войне, он был провозвестником великого пробуждения, которое наступит со временем и принесет с собой спокойную уверенность, веселую науку⁴ луч-

⁴ «Веселая наука» — название одного из сочинений Ф. Ницше.

ших, тех, чья жизнь и действия верно отражались в том, что они говорили и писали.

Родившийся в Бордо 19 марта 1908 года, будущий Сен-Лу уходил своими семейными корнями на юго-запад Франции. Его отец был родом из Шаранты, области, пограничной с Вандеей, и владел небольшой фабрикой, производившей известку и унаследованной от деда. Семья владела пятью или шестью гектарами виноградников, и «сын Ожье» участвовал в сборе винограда вместе с местными крестьянами. Каникулы он всегда проводил в Шато-Рено, и там мальчику открылась природа, к которой он всегда испытывал глубокое влечение. Его мать была родом из Лиможа, с его отцом она познакомилась в Бордо. Она происходила из семьи промышленников, которые выпускали стройматериалы и жили комфортабельно, в достатке. От этого брака католички с протестантом родились двое детей, мальчик и девочка. У родителей были разные религии, и благодаря этому маленький Марк избежал крещения.

Он воспитывался в семейном клане своей матери, бóльшую часть детства провел у своей бабушки в Бордо, где он окончил начальную школу. В годы после Первой мировой войны финансовое положение его семьи ухудшилось, пришлось продать фабрику, а потом — несколько домов, принадлежавших семье матери. С двенадцати лет юный Марк учился на полном пансионе в лицее в Бордо, там он получил среднее образование. В 1926 году он без труда стал бака-

лавром, но у него не было особого интереса к школьной работе. В следующем году он поступил в летнюю школу Блерио, но после злополучной аварии и конфликта с инструктором решил, что это не его путь. В 1928 году он основал университетский мото клуб Бордо и Юго-Запада. Он изучал право, но его больше интересовали путешествия на мотоцикле, чем гражданский кодекс. Путешествие в горы Андорры позволило ему в июле 1928 года пересечь Пиренеи и впервые установить франко-испанскую связь. По этому случаю он написал репортаж в «Ла Дешеш дю Миди», и это было началом журналистской карьеры нашего студента-мотоциклиста... В последующие годы он посвящал большую часть своего времени мотоспорту и любил быструю езду. Он установил рекорд, проехав менее чем за сутки от Дюнкерка до Перпиньяна. Он совершил рейд из Парижа в Афины, во время которого он, чтобы выиграть время, пересекая Балканы, там, где не было проезжих дорог, пользовался железнодорожными путями. Он участвовал в ралли в Монте-Карло вместе со своим другом де Тюизи и зарабатывал на жизнь корреспонденциями в «Иллюстрасьон» и «Сьянс э Вуайяж». В этом последнем журнале он опубликовал свое знаменитое интервью с Энцо Феррари, «диктатором болидов».

Восхищаясь скоростью и могуществом техники, будущий Сен-Лу, сам того не зная, примыкал к течению футуристов, выразителями которого за несколько лет до этого стали Маринетти, Балла и

Боччони, но в ту эпоху он не делал из этого никаких политических выводов, и итальянский фашизм не произвел на него особого впечатления. Отобранный в кадеты и ставший офицером запаса во время воинской службы, которую он проходил в Дуэ, этот глубоко мятежный индивид закончил свою карьеру в армии Республики в качестве канонира второго класса в казармах в Венсенне. Путешествия на мотоцикле, в одиночестве, по большим диким пространствам, которые открывали тогда перед ним Южная Европа и Северная Африка, казались ему более увлекательными приключениями, чем воинская карьера со всем ее величием.

В 1931 году он предпринял настоящую экспедицию в Марокко. Журнал «Иллюстрасьон» заказал ему репортаж об усмирении Тафилалета. Он жил в шатрах вместе с легионерами в Уарзазате и проехал на мотоцикле по Западной Сахаре до Колон-Бешара. По возвращении он посетил Атлас, на гребни которого он поднимался на своем мотоцикле на высоту 4000 метров. Тридцать семь лет спустя он снова посетил эти же места на мотоцикле вместе со своей женой в тот момент, когда поколение, испорченное ростом благосостояния, разыгрывало на парижских улицах имитацию революции⁵.

⁵ Под «имитацией революции» имеются в виду студенческие бунты в Париже в мае 1968 года. Они были организованы американскими банками с целью свержения де Голля, их вожаками были сплошь евреи.

Последующие годы он посвятил в основном мотоспорту, в частности, совершил удивительный рейд в Албанию и на Балканы. Этому молодому человеку удавалось зарабатывать на жизнь благодаря своему пристрастию — он посылал репортажи о своих путешествиях. В эту эпоху он открыл новые радости — альпинизм и лыжный спорт в Пиренеях и в Альпах. Политикой Марк Ожье мало интересовался. «Аксьон франсез»⁶, столь влиятельная тогда в студенческом мире, не привлекала его внимания, ее «интегральный национализм» шокировал этого юношу, влюбленного в большие пространства и естественно открытого для разных европейских народов, с которыми он познакомился во время своих путешествий. В 1936 году он поддерживал Испанскую республику и, хотя он уже имел случай открыть для себя Германию и понять всю нелепость Первой мировой войны, оставался антифашистом до начала новой войны. Этот нетипичный молодой человек, которого увлекали механика, приключения и путешествия, не мог не одобрить молодежную политику, которую сулил Народный фронт, одержавший победу на выборах весной 1936 года.

Во время оплачиваемых отпусков на дорогах появлялись пары велосипедистов и автостопперов, которые отправлялись открывать свою собственную страну, и Марк Ожье, как и Дриё, чувствовал себя

⁶ «Аксьон Франсез» — монархическая католическая партия, ею руководил Ш. Моррас.

в своей среде «во Франции кемпингов и вольного воздуха». Он вполне естественно примкнул к массовому движению, которое влекли природа и простые ценности живой воды и костров лагерей городской молодежи, отчужденной от природы промышленной «цивилизацией» и жаждущей снова обрести, наконец, «истинные богатства». Поэтому ничуть не удивительно, что наш мотоциклист добровольно взял на себя миссию при Лео Лагранже, статс-секретаре по делам молодежи и спорта в правительстве Леона Блюма. Выступив с призывом к созданию «Молодежных постоянных дворов» (Auberges de Jeunesse), Марк Ожье стал одним из вдохновителей движения «ажистов» (AJ), столь знаменитого в предвоенные годы. Он состоял при Лео Лагранже до 1938 года. В 1938 году он поехал в Нью-Йорк на Всемирный съезд молодежи, на котором председательствовала госпожа Рузвельт. Открытая враждебность к Германии, Японии и Италии заставила его призадуматься. Он ездил в Германию по делам AJ и по этому случаю встречался с руководителями гитлерюгенда. Ему не нравилась та ложь, которая распространялась тогда о национал-социалистическом режиме, к которому, напомним, он первоначально не испытывал никакой особой симпатии. Сохраняя уважение к Лео Лагранжу, он стал дистанцироваться от СФИО (социалистической партии).

Примерно в это же время произошла встреча, которая имела решающее значение для его будущей

ориентации. Чтение «Связки сил» Альфонса де Шатобриана⁷ открыло ему вполне положительный образ гитлеровской Германии, страны, заботящейся о построении настоящего социализма, очищенного от демагогии и классовой борьбы и открывающего перед молодежью все возможности разрыва с промышленным капитализмом, процесс которого больше приносит прибыли спекулянтам, чем способствует повышению благосостояния оторванных от своих корней жителей больших городов. В те же годы Марк Ожье познакомился с сочинениями Жион⁸ и с оригинальным опытом общины Контадура. Будучи убежденным пацифистом, он был одним из вдохновителей «письма к Даладье» во время мюнхенского кризиса. Зимой 1938–1939 годов будущий Сен-Лу, которого до того влекли средиземноморские, балканские и североафриканские горизонты, повернул на север, чтобы за Полярным кругом, вместе со своим другом де Тюизи, пересечь зимой на лыжах Лапландию. Этот спортивный подвиг стал сюжетом его первой книги «Ночные лыжники», опубликованной за авторский счет с поощрением Жионо. Вышедшая в мае 1940 года, эта книга была полностью распродана и переиздана в 1944 году под названием «Солнцестояние в Лапландии». В предвоенные годы аль-

⁷ Альфонс де Шатобриан (1877–1951) — писатель, католический мистик, приверженец Гитлера. После войны был приговорен к смерти, скрылся в Тироле, где и умер.

⁸ Жан Жионо (1895–1970) — писатель-«деревенщик», как у нас бы его назвали.

пинизм занимал все больше места в спортивной деятельности Сен-Лу. Он все чаще совершал длинные прогулки на тюленьих шкурах, побывал на массиве Монблан и в швейцарских Альпах, где он совершил восхождение на Юнгфрау.

Летом 1939 года он находился в Греции со своей первой женой (он женился в 1938 году на девушке из Нормандии и расстался с ней во время войны, развелся в 1944 году, и его вторая жена стала его спутницей в изгнании и матерью двоих его детей). Там он узнал в сентябре, находясь на мысе Сунион, о начале войны. Будучи пацифистом, он колебался, возвращаться ли ему во Францию, но в ноябре вернулся, был мобилизован и направлен в зенитную батарею в Мон-Валерьене. В разгар катастрофы он встретил в деревне в департаменте Иоанна Альфонса де Шатобриана, которого он к этому времени считал своим учителем. Вместе с ним и с помощью немца Мюльгаузена он наладил издание журнала «Ла Жерб», который сразу же имел успех. Марк Ожье, бывший организатор АЖ, сотрудник Лео Лагранжа, проделал тот же путь, что и многие левые предвоенного периода. В рамках группы «Сотрудничество» (Collaboration), вдохновителем которой был Шатобриан, он основал молодежную секцию «Молодежь новой Европы» — он описал это в книге «Друзья прекрасной звезды», выпущенной

в 1942 году издательством Деноэль⁹. В 1941 году он прочел два доклада перед группой «Сотрудничество», «Молодежь Европы, соединяйся» и «Молодежь перед лицом европейского переворота». Реакционный уклон журнала «Ла Жерб» несколько сбивал с толку того, кто надеялся на европейскую революцию молодежи, единственно способной преодолеть анахроничные расколы и самоубийственные антагонизмы. Он искал убежища, его звали к себе вершины, он вернулся в Альпы, где вступил в контакт с группой «Молодежь и горы», альпинистским ответвлением «Молодежных строек», неожиданной аватары АЖ 1936 года. Летом 1941 года война обрела иное измерение. Европейский крестовый поход против большевизма давал возможность каждому народу, став на сторону Германии, занять в Европе новое место в зависимости от жертв, принесенных в общей борьбе с коммунистической угрозой. Выбор был прост: либо мелкие интриги в парижской редакции, либо участие в борьбе на Востоке. Бывший пацифист, автор письма к Даладье сделал выбор — записался в Легион французских добровольцев (ЛВФ), сражавшийся против большевизма. Решение было принято в конце 1941 года, но на русский фронт он попал лишь в 1942 году в качестве военного корреспондента журнала «Ла Жерб» в звании сержанта. Он участвовал в ряде военных

⁹ Издательство правой литературы. Его владелец Робер Деноэль был застрелен «неизвестными» среди дня на парижской улице 2 декабря 1945 года.

операций против партизан, но был ранен, эвакуирован на родину, где ему было поручено редактирование газеты Легиона «Комбаттан эропъен». Он рассказал о своем опыте на Восточном фронте в книге «Партизаны», вышедшей в 1943 году. В 1944 году главный редактор газеты Легиона, естественно, стал редактором «Девенир», газеты бригады, а позже — дивизии СС «Карл Великий».

Пройдя с ней от Хильдесхайма до Берлина и Тироля, он пережил последние моменты гитлеровского Рейха, а потом ушел в Италию. Он скрывался в Милане, когда толпа ходила пялиться на повешенные трупы Муссолини и Кларетты, а потом нашел убежище у салезианских монахов в Турине. Имея одного из монахов в качестве гида, он тайно пересек границу в сопровождении двух бойцов милиции и оказался в Валь д'Изере 14 июля 1945 года. Вернувшись в Париж без документов, без денег, разведенным с женой, он, воспользовавшись рядом явок, вернулся в Альпы, где, все еще скрываясь, снова предался своей страсти — лыжам и альпинизму. Вернувшись в Париж, он скрывался у монахов на рю де ла Сурс, а потом раздобыл фальшивые документы и закончил рукопись книги «Северный склон», которую он начал писать в Германии в 1944 году. Во время нового пребывания в горах, в Узане, летом 1946 года он нашел издателя и одновременно придумал псевдоним, под которым будет писать впредь. Издательский дом Арто, который находился

в Гренобле и специализировался на литературе о горах, даже заплатил ему аванс за авторские права, что позволило ему купить билет на Рио де Жанейро. Журналист-идеолог газет «Комбаттан эропыен» и «Девенир» был заочно приговорен к смертной казни судьями, осуществлявшими чистку, так что ему нельзя было до бесконечности жить в подполье.

Приехав в Бразилию, он скрывался у монахов-бенедиктинцев, пока не получил визу, которая позволила ему перебраться в Аргентину генерала Перона, которая, как было известно, гостеприимно принимала побежденных в европейской войне. Получив должность в одной канцелярии, он, вращаясь в кругах «андинистов», воспользовался счастливым случаем, встречей с командующим аргентинской армией, что позволило ему занять должность технического советника горных войск, подписать контракт на три года и получить чин подполковника. Опыт, полученный в Альпах, очень пригодился, и наш пацифист, повышаясь за несколько лет в чинах от канонира второго класса французской армии до сержанта ЛВФ и войск СС, стал подполковником южноамериканской армии и блестяще выполнил эту неожиданную миссию, которая, конечно, больше подходила ему, чем работа в канцелярии в Буэнос-Айресе. В 1948 году он воссоединился со своей женой Жанин, с которой он встретился на исходе войны и которая была его спутницей в подполье. В Пуэнте дель Инка на чилийской границе, на высоте 3200 метров, Сен-Лу лелеял проект штурма

непокоренного склона Аконкагуа, который будет покорен французской экспедицией несколько лет спустя. Автор «Северного склона» получил возможность продолжить свои горные приключения, но аргентинское изгнание позволило ему также добраться до крайнего юга континента, до Патагонии Фиц Роя и Антуана де Тунена, до Огненной Земли яганов, она и других алакалуфов, жертв миссионеров-методистов, которых автор книги «Ночь начинается на мысе Горн» в ней осудил. Вернувшись в 1951 году в Европу, Сен-Лу какое-то время жил в Валь д'Аосте и опубликовал через издательство Арто книги «Тихоокеанские горы», «Страна д'Аосте» и «Гора не хотела». В 1953 году он вернулся во Францию в связи с амнистией. Он предстал перед судом, который продержал его несколько часов в заключении в ожидании процесса, на котором писателя защищал Жан-Батист Биаджи¹⁰.

В том же году Сен-Лу опубликовал в издательстве Плон книгу «Ночь начинается на мысе Горн», которая была представлена на Гонкуровскую премию. В рамках академии, которая присуждает эти премии, за него были Колетт и Франсис Карко, но спецслужбы предупредили, что автор был заочно приговорен к смертной казни, на жюри было оказано сильное давление, а некоторые его члены не хотели, чтобы вспомнили о том, как они сами себя вели во время оккупации. Несмотря на то что Сен-Лу до конца пылко защищала Колетт, жюри в конечном

¹⁰ Биаджи — известный в те годы правый депутат парламента.

счете дало премию Пьеру Гаскару. Через восемь дней после этого эпизода с Гонкуровской премией жертва этого полицейского коварства была приговорена к двум годам тюрьмы и тут же амнистирована.

Сен-Лу снова начал тогда журналистскую и писательскую карьеру. Он работал на «Ото-Журналь» Робера Эрсана и начал с биографии Рено де Бийянкура исторический цикл, который продолжился книгами, посвященными Берлие и «коччинеллам» Фольксвагена. Книги «Шкура зубра» и «Безбожная гора» были опубликованы, соответственно, в 1954 и 1955 годах. Шестидесятые годы были прежде всего годами трилогии, посвященной участию французов в сражениях на Восточном фронте. В 1963 году публикация его книги «Добровольцы» обрушила на его голову громы и молнии инквизиции коммунистов и благомыслящих граждан, но коммерческий успех этой книги был грандиозным. Сразу же последовали «Еретики» и «Ностальгирующие», настоящий манифест, адресованный будущим поколениям, чтобы они не отчаивались из-за исхода борьбы, начатой тридцать лет назад.

Сен-Лу стал между тем заместителем главного редактора журнала «Спектакль дю Монд» своего соратника Жана Лусто. Тогда же он стал председателем комитета Франция—Родезия, созданного по инициативе Франсуа д'Орсиваля для поддержки

режима Солсбери¹¹, вступившего в конфликт с лейбористским правительством Ее Королевского Величества. С 1968 года Сен-Лу посвящает себя целиком своей литературной деятельности, не переставая кататься на своих любимых мотоциклах. Он продолжает рассказывать эпопею Восточного фронта в книгах «Голубая дивизия» и «СС Золотого руна», но начал также новый цикл романов о «плотских родинах»: «Нет прощения бретонцам», «Новые катары для Монсегюра», «Кровь Израиля» и немного позже — «Буры атакуют». В романе «Мотоцикл для Барбары» он продолжает поиск посвященных, который при посредстве исследований мифической Туле должен привести завтрашних Галахадов к гиперборейским истокам их самобытности. В книге «Республика Монблан» Сен-Лу описывает наконец медленное восхождение к первозданным вершинам и ледникам европейцев, уцелевших в хаосе грядущего Железного века. Эта книга, наряду с «Сумерками богов», опубликованными в 1986 году, последнее его послание тем, кому придется действовать в «решающие годы», когда, может быть, возникнет новая Европа.

Ослабевший с годами, ужасно потрясенный смертью его дочери в результате несчастного случая, старый боец закончил свой жизненный путь в те часы зимнего солнцестояния, которые среди ночи воз-

¹¹ В 1965 году, после того как Северная Родезия стала Замбией, Ян Смит провозгласил Южную независимой республикой Родезией со столицей в Солсбери и установил в ней расистский режим.

вещают всегда победоносное возрождение жизни. Был у нас товарищ. Он оставил нам единственно ценное послание о верности тому, чем мы остаемся в непрерывной цепи времен. Благодаря ему сегодня тысячи идут по следам нашего мира и по тропам, которые ведут к нашим вершинам, к знанию того, что завтра солнце снова взойдет. [Сен-Лу умер 16 декабря 1990 года. Данный сборник вышел 20 апреля 1991 года.]

*Филипп Конрад,
составитель*

2. ДРУЗЬЯ ПРЕКРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

По той причине, что этот роман воистину осветил пятнадцатый год моей жизни как огонь лагерного костра перед АЖ в Данмари, описанный его автором, я всегда связывал эту маленькую книжку, выпущенную издательством «Деноэль» в 1942 году, с мифическим измерением, тем более что ее имеющийся у меня экземпляр дал мне почитать один из моих друзей, Франсис Сент-Обер, и я ему так никогда ее и не вернул, потому что он погиб в 1943 году: поезд, в котором он ехал, был обстрелян авиацией союзников.

250 страниц этой книги я читал и перечитывал со всем энтузиазмом моей юности, и я одновременно хочу и боюсь ее возможного переиздания, потому что она для меня «датирована», она знаменовала собой вступление некоего Марка Ожье в литературу, а также в то, что тогда было, несомненно, скорее религией, чем политикой; употребим немецкий термин *Weltanschauung* (мировоззрение) применительно к той эпохе, от которой основатель «Молодежи новой Европы» не отрекался.

Я познакомился впоследствии с великим Сен-Лу, но он еще до этого был для меня родным, я бы сказал даже братом, благодаря этой книге, которая была для меня посвящением. Это был роман об одном поколении, точнее, история маленькой группы юношей и девушек того поколения, принадлежавших к движению «ажистов». Они были на двенадцать лет старше нас, а между теми, кому было двадцать лет в 1934 и 1947 годах, большая разница.

Но они были нашими товарищами, почти что гидами в том смысле, в каком это слово употребляется в альпинизме и на войне.

Перечитывая эту книгу сегодня, когда мы воздаем почести ее автору, я отмечаю, что в ней уже присутствуют все великие темы будущего: мотоспорт, альпинизм, язычество и дружба.

Что же касается пацифизма и возврата на землю, вдохновляемых Жаном Жионо и опытом коммуны Контадура, то он примкнул к этому экологическому течению, и эта нота продолжала звучать во всех сочинениях этого писателя, который после его ухода более чем когда-либо представляется нам пророком.

Хронологические рамки этой книги — 6 февраля 1934 года — 18 марта 1941 года, то есть от мятежей националистов и коммунистов против буржуазного режима, именовавшего себя радикальным, до той странной эпохи, когда казалось, что в войне наступила передышка, накануне немецкого броска на Балканы, прелюдии к образованию Восточного фронта от Черного до Белого моря.

Для Марка Ожье поражением был не столько июнь 1940 года, сколько сентябрь 1939 года, когда объявление войны разрушило надежды молодежи, открывшей для себя природу и радость в движении ажистов и вольном воздухе.

Эта молодежь Народного фронта руководствовалась прекрасной надеждой на мир великого здоровья, ей были противны гнусность капитализма и гниение больших городов.

Поражение было фатальным, и это хорошо знал автор этой книги, который пойдет иными путями, снежными и кровавыми. Разве его книга не была посвящена тем, кто «были лишь друзьями в век, когда требуются герои»?

Кое-кто из этих друзей станут однажды партизанами и еретиками. Все началось в разгар мятежа на Плас де ла Конкорд, когда Оливье де Баренкур, «камло дю руа», спас жизнь Пьерро по кличке «Длинноухий», активисту коммунистической молодежи¹².

Тот, кто не понял, что эта неожиданная встреча правых и левых под огнем мобильной гвардии была надеждой всей мятежной и нетерпеливой молодежи, ничего не понял в истории нашего времени. Марк Ожье весьма искусно не повел своих героев в ряды фашистов. Он, наоборот, показал, как молодой аристократ может быть очарован непосредственностью, откровенностью и даже иллюзиями этих парней и девушек из народа, с которыми его познакомил его новый друг.

Оливье со смесью удивления и симпатии познакомился с Люсеттой и Адриенной, с Сари Рут Конрейх, с Мегре и его каяком, Лавалем и его мотоциклом, Жоржем Лекьемом, «отцом-обержистом» и прежде всего с Полем Маршероном, уроженцем Бордо, вдохновителем движения ажистов.

¹² 6 февраля 1934 года в Париже состоялась демонстрация против коррупции правящего режима, в которой приняли участие ветераны войны. Эту демонстрацию расстреляли жандармы «демократической» республики. Коммунистическая пропаганда потом живо изображала эти события как попытку «фашистского переворота».

Марк Ожье хорошо показал, как политиканы и поджигатели войны пытались взять это движение под свой контроль, одурить его правительственной пропагандой конца 30-х годов. Он рассказал об опыте, пережитом им самим.

У лагерного костра Оливье познакомился также с молодежью, которая «снова обретала связь с язычеством, с богами огня, камней и солнца».

В Марке Ожье уже чувствуется будущий Сен-Лу. «Он видел перед собой эти молодые лица, на которые наложила свой отпечаток серьезность, не меланхолическая, не сентиментальная, а религиозная. Это была минута явления Бога в его самой простой, самой непосредственной форме огня, песни и ночи».

Вся эта пролетарская молодежь во главе с Пьерро лелеяла в 1936 году большие надежды. Она не устраивала забастовки и не захватывала предприятия, а во время летних отпусков через откровение полей, лесов и озер вступала в теллурический контакт с природой. «Нужно было совершить великий переворот в отношениях между трудом и собственностью, чтобы выгнать это огромное стадо из городов, где эти люди веками находили убежище, становясь все более плотной, зловонной, не доедающей, отупевшей толпой».

Это открытие того, что Жионо называл «истинными богатствами», было прелюдией к «триумфу жизни». Между обитателями АЖ «Отава», старой провансальской фермы, установились братские отношения. И они были наивны. «В последний вечер

они разожгли небольшой костер на укромной лужайке, где пахло лавандой и оливковыми деревьями. Они склоняли над огнем свои счастливые, довольные лица и клялись вместе строить новый мир, потому что они содержали в себе элементы счастья, которое они хотели дать миру».

И они ушли, распевая не «Интернационал», а песню, которую автор называет «марсельезой Народного фронта»:

Эй, подружка, хватит в столице
От шума моторов дуреть!
Цель жизни — ей насладиться!
Пойдем же навстречу заре!

Вторая часть романа начинается, однако, со слов о разочаровании: «Весной 1937 года Народный фронт уже погасил свой волшебный фонарь».

Однако несколько молодых энтузиастов решили построить свой собственный АЖ и назвали свою стройку «Либерасьон» (Освобождение). Но они быстро столкнулись с тем, что было язвой движения ажистов, с говорильней и самыми ребяческими утопиями. Марк Ожье познакомился с «хиппи» и левачами за одно поколение до их появления.

Во время собрания в парижском центре движения один из его руководителей предложил три варианта на следующий период летних отпусков: культурная неделя в Лаванду, опыт возвращения на землю или выбор лагеря, в котором могли бы встретиться молодые французы и молодые немцы. В это время

в Испании бушевала гражданская война. Пьерро по требованию его партии вступил в Интернациональные бригады. Он видел, как рядом с ним пал один из лучших его друзей анархист Жорж Лекьем, бывший «отец обержист» в Данмари. Невесту Пьерро, Люсетту, соблазнил Оливье, когда проводил отпуск в АЖ в Лаванду. Марк Ожье не обошелся без клише «двое юношей — одна девушка», но все кончилось хорошо, потому что молодой ветреник вернулся в свою Компартию с горьким чувством после своей испанской авантюры. Напоследок он увидел ужасные концлагеря, в которые французское правительство отправило побежденных республиканцев.

Тех, кто решил, как Жан Лаваль, вернуться на землю в заброшенной деревушке в горах, ждала та же неизбежная участь, какая постигла общины, образовавшиеся после 1968 года. Они питали такие же иллюзии и зашли в такой же тупик. Коллективистская мечта быстро превратилась в гротеск.

Немногие решили поехать в Шварцвальд, чтобы провести лето в одном лагере с парнями из гитлерюгенда. Столкновение двух миров вызвало такой шок, что Поль Маршеран, организатор этой встречи, вернулся из Германии убежденным национал-социалистом. Вспоминается путешествие-репортаж Альфонса де Шатобриана, описанное в «Связке сил».

Вернувшись в Париж, молодой ажист встретился с теми, кто оставался в рамках расплывчатого пацифизма, вдохновлявшего круги ажистов. В эту

эпоху Жан Жионо написал свой знаменитый роман «Отказ от повиновения».

Приближалась война. Друзья решили устроить последний лагерь в «иглу» на очень большой высоте. Этот эпизод первого романа Марка Ожье уже предвещал последний роман Сен-Лу «Республика Монблан».

«Мы окажемся в потрясающем и грандиозном одиночестве, — говорит один из участников этого испытательного бивуака, — мы будем жить столь же примитивной жизнью, как первые обитатели земного шара. Мы испытаем радость общности, на высокой горе мы явим живой пример человеческой солидарности. Один за всех, все за одного. Я думаю, товарищи, это будет высший лагерь в нашей ажистской жизни».

Эти несколько дней вдали от мира долин и его злобы были своего рода очистительным актом. Друзья жили в атмосфере Голубого света, чувствуя, что обладают бесценным сокровищем. «Горстка молодых людей, затерянных в снегах и в одиночестве, достигла высшей радости путем самозабвения». К сожалению, они постигли также страшную истину, которая теперь грызла каждого из них: «Уже так поздно, что вы не поверите».

Война стала неизбежной.

Жан Лаваль покончил с собой в горах, отправившись в одиночку в страшный поход. Это уже предваряет лучшие страницы будущего «Северного склона». «Человек обретет радость и радость в силе лишь после того, как принесет все жертвы».

Поль Маршерон, после того как он тщетно пытался бороться против заговора поджигателей войны, был мобилизован в 1939 году. Он был летчиком-истребителем. Во время патрульного полета он решил дезертировать и приземлиться на своем истребителе Кертис на одном из немецких аэродромов. «Это не война между народами, речь идет о европейской гражданской войне, а на гражданской войне каждый человек может свободно выбрать свой лагерь. Глупо сражаться против революции, которая принесет спасение Западу».

Оторвавшись от своих товарищей во время патрульного полета, Маршерон осознал невозможность своего поступка. Он, ставший «французским гитлеровцем», «всем сердцем, без оговорок, преданный национал-социалистической революции», не может решиться поменять лагерь в разгар войны. «Для всех немцев Германии и для всех французов Франции он будет всего лишь дезертиром». Сидя в кабине своего Кертиса, он почувствовал, что оказался в ловушке. Как он может «сражаться во Франции против своей совести и служить в Германии против своей страны?»

Эти ужасные размышления — одна из драматических кульминаций книги. Он думает во время ночного полета, когда у самолета уже кончается топливо: «Недостаточно быть гитлеровцем, чтобы порвать связи с кровью и почвой. Можно быть гитлеровцем только ради своей земли, гитлеровцем ради крови своей расы. Гитлер — всего лишь немецкое выражение всемирного закона».

И Маршерон, держа курс на Кёльн, в последний момент делает полуоборот и садится в Нанси.

— Я сбился с курса в ночной темноте, — только и сказал он своим товарищам по эскадрилье.

Книга могла бы кончиться этой необыкновенной сценой. Но Марк Ожье добавил еще рассказ о судьбах двух персонажей первой главы этой книги.

Пьерро, работая в коммунистическом подполье, был арестован французской полицией и встретил в заключении людей, которые, как и он, были против европейской гражданской войны. Он оставался верным партии своей юности, но ждал уже чего-то другого, еще не осознавая ясно, чего: «да, социалистическая революция свершится, несмотря на концлагеря, несмотря на слабости и ошибки коммунистической партии, несмотря на войну, несмотря ни на что. Он не знал, когда и как, но уже чувствовал вкус этой победы».

Что же касается Оливье, то несколько месяцев спустя, к одному из Маркизских островков, где он вел такой же образ жизни, как и туземные рыбаки, подплыла британская канонерка. Английский офицер сошел на землю, чтобы пополнить запас воды, и сообщил ему, что была объявлена война и что побежденная Франция подписала перемирие. Он предложил ему присоединиться к Свободной Франции. Бывший камло дю руа ответил, что его все это совершенно не интересует. Когда иностранец уплыл, он решил отправиться в одиночку на примитивной пироге в океан и не вернулся. Как и его друг Жан,

который умер в горах, он понял, наконец, «что может находиться за декорациями жизни».

Через пересекающиеся и разбитые судьбы Оливье, Пьерро, Жана Лавалья и прежде всего Поля Маршерона показана вся история ажистов, которую Марк Ожье оживил с мастерством романиста и с гениальностью провидца, которые у него всегда оставались нераздельными. Эта книга — документ эпохи, а также великий, величайший роман.

Жан Мабир

Конец ознакомительного фрагмента.